

Осенняя прохлада еще не вступила в свои права, но в порывах ветра уже чувствовалась сухая свежесть. Новой темой для фотокружка стали «Свет и тень в повседневности». На стене клуба пестрели планы проектов, разработанные старшекурсником, с напечатанными жирным шрифтом заголовками — они выглядели одновременно серьезными и пустыми.

Нужно найти ощущение жизни, — говорил старшекурсник. — Дело не в композиции, не в технике, а в кадрах, от которых у людей возникает ощущение дыхания.

Лунь молча слушал из угла, крутя в пальцах крышку объектива.

Покинув собрание, он вдруг повернулся к Сяо Минь и небрежным тоном спросил:

— Ты свободна? Хочу кое-что пофотографировать.

Сяо Минь на мгновение опешила, но кивнула.

Местом съемки выбрали улочку у заднего входа в кампус: старые лавки, чайные рестораны и рассеянные лучи света. Полуденное солнце косо падало на каменную плитку, а в воздухе смешивались запахи кофе и пыли.

Он, как всегда, был с камерой, на плече висела сумка для фотоаппаратуры, а лицо выражало полную сосредоточенность. Сяо Минь всегда казалось, что он ходит по улицам тише остальных — несмотря на снующих вокруг людей, он словно двигался по собственной, изолированной световой траектории.

— Иди как обычно, на меня не смотри, — сказал он.

И она пошла. Объектив следовал за ней по пятам. Она чувствовала, как этот взгляд скользит вслед за светом — не обжигающий, но неподдельный.

Спустя совсем немного времени он внезапно подошел ближе:

— Повернись и улыбнись чуть естественнее.

— Вот так?

— Мм, если слишком через силу, получится ненатурально.

Сказав это, он улыбнулся. Смех был коротким, но в воздухе остался его мягкий след.

В тот момент Сяо Минь вдруг поняла: оказывается, он тоже умеет улыбаться. Его улыбка отличалась от обычной сдержанности — в ней сквозила какая-то мимолетная искренность,

похожая на свет за мгновение до щелчка затвора.

Заразившись этой улыбкой, она улыбнулась в ответ, стараясь не выдать себя.

Снимали до самого вечера, а потом вдвоем сидели на пластиковых стульях в студенческой столовой. Косые лучи заката заливали помещение, окрашивая столешницу в золотистый цвет. Лунь достал камеру, чтобы просмотреть только что сделанные кадры.

— Посмотри на эту, нравится? — он протянул ей экран.

Сяо Минь опустила глаза. На снимке она стояла на тротуаре на фоне размытых фигур прохожих. Она улыбалась — не той напускной улыбкой, а так, словно на секунду забыла о существовании камеры.

— Словно во сне, — тихо произнесла она.

— Это свет, — негромко ответил он. — Слишком мягкий свет придает изображениям нереальность.

— Значит... я улыбалась в ненастоящем свете?

— Возможно. Но вышло отлично.

Сяо Минь больше ничего не сказала, продолжая смотреть на застывшую в кадре себя. В этой улыбке таилось незнакомое ей самой чувство — одновременно нежное и тревожное.

Тем же вечером в клубном чате появилась новая публикация: Лунь выложил несколько работ, и третьей как раз шла та фотография с ее улыбкой. Подпись состояла всего из одной фразы: «Температура смеха».

Остальные участники тут же принялись оставлять комментарии: «Очень жизненно», «Здорово поймал момент».

Сяо Минь смотрела на бесконечно вспыхивающие на экране уведомления, а на душе было удивительно тихо и спокойно. Она вспомнила тот звонкий щелчок затвора, вспомнила расстояние между ними — не близкое, но и не далекое. Она подумала, что тема «Света и тени в повседневности», пожалуй, как раз и подразумевала такие моменты.

В ту ночь ей приснилось, что она снова стоит в лучах света. Впереди объектив, а его взгляд похож на прозрачную нить. Она слышала звук затвора — раз за разом. С каждым разом ее силуэт в свете чуть-чуть рассеивался, словно постепенно растворяясь.

Проснувшись на рассвете, она увидела, как в окно проникает бледный утренний свет. Она раскрыла дневник, кончик ручки долго застыл над страницей, и наконец вывела: «В тот момент, когда на меня посмотрели, я начала понимать, что значит быть понятой».

<http://bllate.org/book/21310/2162728>